

Е. И. Исмаилова

О ТИПОВОМ НАПЕВЕ В ДУХОВНЫХ СТИХАХ СИБИРСКОГО БЫТОВАНИЯ

Исследование проведено в рамках базового проекта № 0263-2021-0002 «Комплексная текстология и синхронно-диахронное исследование фольклорных традиций народов Сибири», 2021–2025 (рук. Е. Н. Кузьмина)

В статье рассматриваются духовные стихи с напевом, закрепившимся за образцами этого жанра. Рассматриваемые фольклорные произведения зафиксированы преимущественно от представителей старообрядчества. Инвариантным чертам напева свойственна ладовая, ритмическая и структурная ясность, в результате которой напев, сложившийся на границе Беларуси и России, сохраняется в Сибири весьма устойчиво. В образцах, зафиксированных от представителей коренного сибирского этноса алтайцев (телеутов), обнаружены более заметные ритмо-синтаксические изменения.

Ключевые слова: духовные стихи, типовой напев, фольклор сибирских переселенцев, межэтнические культурные контакты

E. I. Ismagilova

OF TYPICAL TUNES IN SPIRITUAL POEMS OF SIBERIAN LIFE

The article examines spiritual poems with a melody that is inherent in the examples of this genre. The records of the folklore works under study were obtained mainly with the help of Old Believers representatives. The invariant features of the melody are characterized by modal, rhythmic and structural clarity, as a result of which the melody that has been formed on the border of Belarus and Russia is very steadily preserved in Siberia. In the samples recorded with the help of the Altaians (Teleuts), the indigenous Siberian ethnos representatives, more noticeable rhythm-syntactic changes were found.

Key words: spiritual poems, typical tune, folklore of Siberian settlers, interethnic cultural contacts

Тема музыкальной характеристики духовных стихов актуальна и дискуссионна для современной отечественной фольклористики. Вместе с распространенным представлением о стилевой эклектике мелодического языка этих образцов внебогослужебного духовного пения существует вполне обоснованное мнение о бытовании по крайней мере одного широко известного напева, закрепившегося именно за образцами данного жанра [1; 2; 4, с. 44; 7, с. 175–176].

Этот напев подробно рассмотрен авторами-составителями второго тома Смоленского музыкально-этнографического сборника, посвященного похоронно-поминальному фольклору (плачам и духовным стихам) [9]. По фамилии замечательной народной песенницы О. В. Трушиной — носительницы фольклорной традиции

Смоленского Поднепровья, исполнявшей с ним поминальные духовные стихи, он получил название «трушкинский напев» [6].

О неиссякающем интересе к этой теме свидетельствует доклад Е. А. Пановой «Музыкально-поэтические формы духовного содержания с «трушинским» напевом в народной традиции Смоленщины (по материалам Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова)»⁵, прочитанный на Международной научной конференции «Гиппиусовские чтения — 2021» (Москва, 26–28 марта 2021 г.) и развернувшаяся затем дискус-

⁵ Международная научная конференция «Гиппиусовские чтения — 2021» (Москва, 26–28 марта 2021 г.).

сия с участием ведущих специалистов отечественной музыкальной фольклористики — Л. М. Белогуровой, Е. А. Дороховой, Т. С. Рудиченко. Так, в процессе обсуждения Т. С. Рудиченко высказала мнение о том, что этот напев имеет свою письменную версию.

Заслуживают внимания также исследования белорусских этномузыкологов. Рассмотрению типового напева духовных стихов посвящена статья Л. Ф. Баранкевич, в которой говорится о разностадийности происхождения его интонационных элементов: «сам типовой напев, лирический по своей сути и характерным чертам, несет на себе явный отпечаток более ранней эпохи, что наглядно проявилось в интонациях составляющих его ладов-попевок» [1, с. 15]. Кроме того, автором статьи выдвинуто предположение о территории происхождения этого напева — восточная и юго-восточная часть Белоруссии, пограничье Брянской-Смоленской-Черниговской областей [1, с. 15, 16]. В пользу этой гипотезы свидетельствует чрезвычайно широкое бытование этого напева на Смоленщине [6; 9]. К развернутому анализу этого напева обращается и Л. Ф. Костюковец, обозначая звучащие с ним фольклорные произведения как канты устной традиции или псалмы [4, с. 118].

Обозначенный типовой напев является предметом внимания и автора настоящей работы. Ранее мы уже обращались к явлению музыкальной типизации в духовных стихах, и в частности, кратко рассматривали духовные стихи с этим напевом в нашей более ранней работе [2, с. 97]. Настоящая же статья посвящена характеристике сибирского бытования этого напева, выявлению его локальной специфики.

Материалом для исследования послужили десять образцов духовных стихов, зафиксированных в Новосибирской и Кемеровской областях, а также в Республике Тыва (см. Приложение I). Для сравнения

с сибирскими вариантами привлекались тексты, бытующие в Белоруссии и в Смоленской области [1; 4; 9]. Опираясь на паспортные данные записей, можно сделать вывод о широком распространении стихов с типовым напевом именно среди приверженцев старой веры, переселившихся в Сибирь в начале XX в., — шесть записей сделано от старообрядцев. Образец № 5 был записан от этнических белорусов, потомков выходцев из Могилевской губернии. Особенно же интересен факт исполнения духовных стихов телеутами — представителями южноалтайской диалектной группы (стихи поются на родном языке носителей традиции). Вероятно, в интонационную культуру этого христианизированного коренного сибирского этноса эти тексты проникли в результате контактов с переселенцами из западной России или же Белоруссии, складывавшихся в начале XX века.

Как правило, пение стихов приурочено к периоду Великого поста, когда строгом старообрядческим традициям стихи должны заменять собой «мирские песни». Кроме того, стихи пелись (в некоторых местностях поются вплоть до настоящего времени) при проведении похоронно-поминальных обрядов. Сезонная приуроченность к весеннему периоду свойственна и исполнению стихов у сибирских белорусов, в результате чего они вместе с образцами календарного фольклора получили название «постовые песни» [3, с. 22]. У телеутов духовные стихи обозначены как *маатыр сарын* — «исторические, христианские песнопения на библейские сюжеты» [10, с. 26]. О закреплении подобных текстов в фольклорной традиции этого коренного сибирского этноса, свидетельствует включение двух образцов «библейских песен» о Иосифе в свод «Телеутский фольклор» [10, с. 334–335]. Таким образом, у телеутов стихи

относятся к сфере повествовательного фольклора.

Содержание текстов духовных стихов представлено разными сюжетами. В четырех образцах переизложена ветхозаветная история об Иосифе, проданном братьями в египетское рабство. В одном из них присутствуют специфически сибирские подробности: рассказ о вымышленной гибели главного героя в результате (якобы) нападения на него медведя и волка (см. Приложение 2, № 8). Один текст представляет собой плач Иосифа, его обращение к Богу и отцу, Иакову (Приложение 1, № 6). В трех образцах отражено народное понимание проблемы смерти — это тексты с сюжетом о расставании души с телом. С типовым напевом поется и известная баллада о братьях-разбойниках и сестре (№ 3 и 4). Примечательно, что носители традиции нередко осмысливают эту балладу именно как духовный стих, возможно, благодаря повествовательному началу и заключенной в нем определенной доли нравочительности. В одном тексте описывается чудесная победа святого Егория над змеем, спасение от него царевны и целого города.

При сравнении сибирских образцов со стихами, зафиксированными в Смоленской области [9], можно сказать, что западно-русские тексты посвящены преимущественно похоронно-поминальной тематике (восемь образцов из одиннадцати рассмотренных). В них присутствует тема прощания с только что упокоившимся человеком, в ряде образцов повествуется о приходе души умершего на свой помин или же описывается появление смерти и диалог человека с ней. Однако встречаются и тексты, известные нам по сибирскому материалу — о Егории и змее (два образца), о проданном в рабство Иосифе (один образец).

Стихи, бытующие на территории Белоруссии, обнаруживают еще большее

сходство с их сибирскими вариантами. В публикациях белорусских авторов мы видим весьма близкие сибирским вариантам тексты о расставании души с телом⁶, о победе святого Егория над змеем, балладный текст о братьях-разбойниках и сестре [1; 4]. На основании этого можно утверждать, что сюжеты сибирских вариантов стихов с типовым напевом ближе именно к традиции приехавших из восточных областей Белоруссии старообрядцев, а также к собственно белорусской фольклорной традиции.

Рассмотрим сущностные, инвариантные признаки обозначенного типового напева. Его структура состоит из четырех фраз с цезурами между ними (в концах первой и третьей фраз цезура зачастую вуалируется долгим звуком). Мелодическая линия развивается в диапазоне квинты (сексты) с субсекундой. Ладовую организацию напева характеризует переменность устоев: в первой фразе опора перемещается с *a* на *d'*, во второй и четвертой фразе возвращается устойчивый звук *a*, при этом первая и вторая фразы образуют своеобразную вопросо-ответную замкнутую структуру⁷ (см. Приложение II, пример 1). В третьей же фразе происходит сдвиг основной ладовой опоры на малую терцию вверх (звук *c'*; чаще всего «подтвержденный» квартовым скачком *g-c'*), этот фрагмент воспринимается как яркое ладовое отклонение, как нечто иное, выходящее за рамки квартовой переменности *a-d'*, что придает ему значение смысловой кульминации напева.

Подобный напев рассмотрен в статье Л. Ф. Костюковец [4]. Характеризуя его,

⁶ В образцах, приведенных в статье Л. Ф. Баранкевич [1, с. 18] начальный диалог ведется с гусями, в сибирских вариантах — с голубями (см. Приложение 2, нотный пример 2).

⁷ Для удобства музыковедческого анализа нотная запись всех образцов была приведена к единому высотному уровню — с основной опорой на звуке *ля* малой октавы.

автор свидетельствует о том, что «...при сохранении элементов более ранней первоосновы, наш вариант псалмы является эволюционирующим. Выразительная, яркая песенная в мелодическом плане песенная основа псалмы присуща «эпохе лирике» (термин А. В. Рудневой) [4, с. 122]». Действительно, в мелодической линии напева сосуществуют интонационные элементы разных стилевых эпох (трихорд в кварте, интонации квинты и малой секты с заполнением, движение по звукам «минорного трезвучия», отдельные интонации из более позднего пласта богослужебной музыки).

Авторы аналитической статьи «Типологическая систематика напевов поминальных стихов» Л. М. Винарчик, И. А. Никитина, О. А. Труфанова считают, что рассматриваемый нами напев сформировался непосредственно под воздействием «обиходной» ладовой системы [9, с. 318]. Под этим подразумевают закономерности, свойственные церковным обиходным гармонизациям напева шестого гласа и ряда песнопений заупокойного богослужения (Трисвятое, «Со святыми упокой», «Вечная память») [9, с. 297–319]. Одной из ведущих особенностей гармонического языка этих напевов является параллельная миноро-мажорная ладовая переменность. В напевах духовных стихов гармоническая логика четырехголосной аккордовой фактуры преобразуется в мелодическое, линейное развертывание напева, сохраняя при этом свои основные ладовые закономерности.

В целом соглашаясь с мнением этих исследователей, мы так же предполагаем, что в свое время (примерно в XVII в.) этот напев испытал влияние музыкального языка псалм. Известно, что для псалм — светских песен духовного содержания — характерен трехголосный кантовый склад, четкая членимость на фразы и предложения, чаще всего квадратные,

опора на мажоро-минорную систему. Укажем на еще одну из закономерностей гармонического языка псалм — чрезвычайно часто встречающиеся отклонения из минора в параллельный мажор, возникающие, как правило, на границах фраз. Возможно, этот яркий ладовый эффект употреблялся в псалмах для создания особого эмоционального колорита, сочетающего в себе свет и тень, плач, мольбу и надежду, а также с целью высветить различные смысловые оттенки содержания текста этих произведений.

Анализ сибирских вариантов типового напева приводит к выводу о сравнительно небольшой степени его вариативности в них. В отношении мелодики укажем на появление распевов и широких скачков (например, восходящий скачок на малую сексту в образца № 1, см. Приложение II, нотный пример 1). Небольшие распевы (два-три звука на слог) присутствуют также в мелодиях образцов № 5, 6, 8–10. В двух образцах (№ 2 и 4) в мелодии появляется II низкая ступень (так же, как в одном из белорусских стихов [1, с. 17]), а также разнообразная мелизматика (форшлаги, морденты и пр.). Аскетичность и интонационная «сжатость», как бы «конспективность» свойственна напеву в стихе о святом Егории (№ 5). В одном из телеутских образцов в распевах неожиданно появляется пунктирный ритм.

Был также выполнен анализ слогоритма охарактеризованных образцов. Сравнение слогоритмических схем показало, что в основе всех стихов, звучащих с типовым напевом, находится одна ритмоформула. Эту ритмоформулу, совпадающую с одной слоговой группой, можно записать следующей последовательностью цифр: 2 2 2 4 (1 = восьмая длительность, 2 = четверть и т. д.).

Рассматриваемые здесь образцы можно разделить на две основные группы по преломлению в них этой ритмоформулы.

В образцах первой группы (№ 1, 2, 5, частично 8–10) приведенная схема сохраняется почти точно, в редких случаях дробится первая доля каждой слоговой группы (11 2 2 4). Показательно при этом соотношение ритмической стабильности воспроизведения напева и мелодико-интонационной свободы развития, присутствующей в большинстве указанных образцов. Очевидно, в этой группе стихов слогоритмический фактор выступает как ведущее организующее начало, наряду с системой ладовых опор.

Вторую группу составляют образцы с более широко представленным дроблением слогов (№ 3, 4, 6, 7). В стихах второй группы дробится первая доля, в результате чего преобладающий слогоритмический рисунок становится следующим: 11 2 2 4. Нередко встречается дробление третьей, значительно реже — второй доли: 1 1 2 1 1 4 и 1 1 1 1 2 4. В некоторых случаях дроблению подвергаются три первые доли одновременно: 11 11 11 4.

В образцах, записанных от старообрядцев, проживающих в Тыве, начальные длительности сокращены вдвое. Соответственно, схема ритмоформулы начального сегмента следующая: 1 1 1 4. Дальнейшее развитие ритмики напева находится в рамках закономерностей образцов второй группы.

Своеобразно и даже несколько экзотично в сравнении с близкими между собой русско-белорусскими стихами звучит этот напев в устах телеутов из Кемеровской области. В трех, в целом сходных

между собой телеутских вариантах, несколько меняется ритмическая и композиционная структура напева: цезура между третьей и четвертой фразами напева вываливается, как бы скрадывается за счет меньшей продолжительности выдержанного звука в конце третьей фразы, превращаясь в слогоритмическую группу 2 2 2 2 (вместо 4). Описанное качество приводит к стиранию грани между третьей и четвертой фразой, объединяя их в одно построение, ладовая же основа напева при этом сохраняется. Вероятно, в случаях с «тувинскими» и телеутскими образцами можно говорить о формировании локальных или же этнических вариантов напева.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что в Сибири духовные стихи с типовым напевом в большинстве случаев были зафиксированы от русских — представителей старой веры, приехавших из Белоруссии, или же от белорусских переселенцев. Инвариантные, сущностные черты напева благодаря его структурной, ритмической, ладоинтонационной ясности и выкристаллизованности сохраняются весьма устойчиво. В вариантах напева, бытующих в инонациональной среде и поющих на алтайском языке, присутствуют более заметные ритмо-синтаксические изменения. Рассмотрение типового напева на более широком материале, дальнейшее сравнение сибирских вариантов с белорусскими и западно-русскими образцами позволят скорректировать и углубить наши наблюдения.

Библиографический список

1. Баранкевіч Л. Ф. Аб адным тыповым напева духоўных вершаў / Л. Ф. Баранкевіч // Весці Беларус. дзярж. акадэміі музыкі. — 2007. — № 11. — С. 13–18.
2. Жимулева Е. И. О специфике типовых напевов в духовных стихах // Сибирский музыкальный альманах — 2005 / Новосибир. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки. — Новосибирск, 2009. — С. 96–103.

3. *Исмагилова Е. И.* Музыкальная организация постовых песен белорусов Сибири // Музыкальное искусство в динамике художественных традиций: от фольклорных истоков к современной стилевой интеграции / сост. Л. Ф. Баранкевич, Л. А. Волкова; научные труды Белорусской государственной академии музыки. — Вып. 50. — Минск: Белорусская государственная академия музыки, 2020. — С. 19–29.
4. *Костюковец Л. Ф.* Вариант псалмы о святом Юрии и Цмоке, записанный в Белоруссии в 2008 году / Л. Ф. Костюковец // Фольклор: историческая традиция и современные полевые исследования. Материалы Четвертой международной научной конференции памяти А. В. Рудневой / ред.-сост. Н. Н. Гилярова, Е. В. Битерякова. — М.: научно-издательский центр «Московская консерватория», 2012. — (Науч. труды Моск. Гос. консерватории им. П. И. Чайковского; сборник 75). — С. 118–127.
5. *Никитина С. Е.* «Жить по закону, по путе...» // Живая старина. — 1998. — № 3. — С. 42–44.
6. *Песенное наследие* смоленской певицы Ольги Владимировны Трушиной // Интернет-портал. — URL: <https://www.culture.ru/objects/2388/pesennoe-nasledie-smolenskoj-pevicy-olgi-vladimirovny-trushinoi> (дата обращения: 10.07.2021).
7. *Рудиченко Т. С.* Духовные стихи донских старообрядцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Сборник научных статей. — Ростов-на-Дону: изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2000. — С. 165–193.
8. *Русская эпическая поэзия* Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю. И. Смирнов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока) — 497 с.
9. *Смоленский музыкально-этнографический сборник*. Том 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. — М.: «Индрик», 2003. (Смоленский музыкально-этнографический сборник). — 552 с.
10. *Телеутский фольклор* / сост., вступит. ст., запись, нормализ. текстов, пер., коммент. Д. А. Функа / отв. редактор чл.-корр. РАН А. В. Дыбо. Изд. второе, исправленное и дополненное. — М.: ИЭА РАН, 2020. — 428 с.

Список условных сокращений

АТМ — Архив традиционной музыки;

МЭЭ — музыкально-этнографическая экспедиция;

НГК — Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки;

НСО — Новосибирская область.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Перечень образцов духовных стихов с типовым напевом, записанных в сибирском регионе.

№ 1. Ох вы, голуби, ой вы, сизые. *Поют в посты, иногда — у покойника*⁸. Стих о расставании души с телом. Записан участниками МЭЭ НГК Н. В. Леоновой, Н. А. Урсеговой, Е. И. Жимулевой в 2002 г. в с. Северное Северного района НСО от Л. В. Гнутовой (Атопкиной), 1922 г. р. (русская, *кержачка*, род. в Платоновке Северного района Новосибирской области; родители приехали из с. Ластовичи Витебской губернии в 1908 г.), В. Х. Рябчиковой (Атопкиной), 1938 г. р. (русская, *кержачка*, род. в с. Платоновка Северного района НСО, родители из Платоновки, деды приехали из Витебской губернии). Место хранения: АТМ НГК, коллекция А 184.

№ 2. А вы голаби, а вы сизаи. Стих о расставании души с телом. Записан в с. Бергуль Северного района НСО от потомков старообрядцев, приехавших из Белорусии. Опубликовано в [8, с. 449].

⁸ Курсивом выделены исполнительские комментарии.

- № 3. Жила-была вдова превбогатая.** Стих. Баллада о братьях-разбойниках и сестре. Паспортные данные образца см. в № 1.
- № 4. Жила-была вдова пребогатая.** Баллада о братьях-разбойниках и сестре. Записано в 1983 г. в с. Бергуль Северного района НСО. Опубликовано в [8, с. 364, 365].
- № 5. Люди Богу тай не верили.** Стих о чуде св. Егория. Записан в 1987 г. экспедицией Новосибирского педагогического института под руководством М. Н. Мельникова в д. Ивановка Кыштовского района НСО в 1987 г. от двух сестер Терещенко (годы рождения неизвестны; их родители приехали из Могилевской губернии). Запись хранится в Архиве Института искусствоведения, этнографии, фольклора им. К. Крапивы Белорусской академии наук, оп. Сибирь, МК-2, № 2.
- № 6. Плач Иосифа Прекрасного.** Записано С. Е. Никитиной в 1980-е гг. от старообрядцев, проживающих в Республике Тыва. Опубликовано в [5, с. 44].
- № 7. Стих о расставании души с телом.** Записано С. Е. Никитиной в 1980-е гг. от старообрядцев, проживающих в Республике Тыва. Опубликовано в [5, с. 44].
- № 8. Якап тэген кіжі полгон.** Стих об Иосифе, проданном в египетское рабство. Записан Н. С. Уртегешевым в 1999 г. в с. Беково Беловского района Кемеровской области от Е. Д. Баксариной (Хлопотиной), 1925 г. р. (телеутка, род. в Челухоево, стих выучила от своего дяди — священника). Место хранения: архив собирателя. Расшифровка и перевод текста выполнены Н. С. Уртегешевым.
- № 9. Якап, Якап, сін адам полгон.** Стих об Иосифе, проданном в египетское рабство. Записано З. С. Казагачевой, Т. М. Садаловой, Ю. И. Шейкиным в 1988 г. в Беловском районе Кемеровской области от телеутки. Место хранения: АТМ НГК, А 0070. Расшифровка и перевод текста выполнены Н. С. Уртегешевым.
- № 10. Ой, Якоп, ой, Якоп, ой кіжі полтур.** Стих об Иосифе, проданном в египетское рабство. Записано З. С. Казагачевой, Т. М. Садаловой, Ю. И. Шейкиным в 1988 г. в Беловском районе Кемеровской области от телеутки. Место хранения: АТМ НГК, А 0070. Расшифровка текста выполнена Н. С. Уртегешевым, перевод Н. С. Уртегешева и Н. Р. Байжановой.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Нотные примеры

Нотный пример 1 (№ 1)

Ох вы, голуби

Ох вы, го - лу - би, ой вы, си - зы - е,

Вы где бы - ли, ку - да ле - та - ли.

Вы где бы - ли, ой, ку - да лё - та - ли.

Что вы ви - де - ли, что вы слы - ша - ли?

1. Ох вы, голуби, ой вы, сизые,
Вы где были, куда лётали?
2. Вы где были, куда лётали?
Что вы видели, что вы слышали?
3. Что вы видели, что вы слышали?
А мы лётали на Росстань-гору.
4. На Росстань-горы там мы видели,
Там мы видели и мы слышали.
5. Там мы видели, ой, там мы слышали.
Как душа с телам расставалася.
6. Как душа с телам расставалася.
Расставалася, всё прощалася.
7. Расставалася, она прощалася:
— Ты прости-прощай, тело белое.
8. Ты прости-прощай, тело белое.
Как тебе, телу, во гробу ляжать.
9. Как табе, телу, во гробу ляжать.
А как мне, душе, всё ответ дяржать.

Нотный пример 2 (№ 8).

Якап тэген кіжі полгон

Я - кап, тэ - ген, кі жі по - лгон. 7'

Ча - ткан те - ри ка - н(а) вган по - лгон. 6'4"

А - нан уу - да - ры, о - ни - кі по - лгон, - 7'

А - ртак сю - гэ - ні О - си - баш по - лгон. 7'22"

Якап тэген кіжі полгон.

Чатқан тери қанвган полгон.

Анаң уўлдары оникі полгон.

Артақ сүгәні Осибаш полгон.

Ааға қарындаштары атандашпарған.

Осипты параон-қаанга сатқандаар.

Осипты садыбал игиндірь.

Кійгәнъ киймень чечибалғандаар.

Кійгәнъ киймень койдоң канына

Алар йиймаған, акель перьгендээръ.

Артық сүгәнъ уўлчагажынды

Аралдан, чигып, айю чибийді.

Пёлют сүгәнъ уўлчагажынды

[По имени] Яков человек жил.

Место, где он жил, — царство было.

У него сыновей было двенадцать.

Самый любимый Осип был.

Ему братья завидовали.

Осипа фараону продали.

Осипа продав, одетую одежду сняли.

Одетую одежду в овечьей крови

Они вымазали, принеся отдали.

— Самый любимого сыночка,

Выйдя из высоких кустов, медведь съел.

Самого любимого сыночка,

Из низких кустов выйдя, волк съел.